

ББК 63.3
И 90

Секция “История и этнография”
Государственной программы
“Культурное наследие”

М. К. Койгелдиев (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужигов

Составители:

Е. М. Грибанова, А. С. Зулкашева (ответственные),
Р. К. Кангужиева, Е. В. Чиликова

Научный редактор
К. С. Алдажуманов

И 0503000000
00(05)-05

ББК 63.3

ISBN 9965-699-78-X

© Архив Президента РК, 2005
© Издательство “Дайк-Пресс”,
оформление, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник автобиографий “История Отечества в судьбах его граждан” — первое в Казахстане издание подобного рода. Публикуемые в нем тексты извлечены из личных дел, хранящихся в фондах Архива Президента Республики Казахстан (АПРК). Автобиографии, как известно, в чем-то схожи с мемуарами. Так же, как и последние, они создаются уже после происшедших событий, степень детализации описания которых порождена рядом факторов, но при этом автобиографии остаются оригинальными, своеобразными источниками, подчиненными определенным законам жанра. Эти документы не случайно привлекли внимание составителей. Долгие годы они выпадали из поля зрения исследователей, несмотря на всю свою уникальность.

Готовя книгу, составители стремились, во-первых, дать возможность читателю взглянуть на историю Отечества через призму судеб тех, кто ее творил, во-вторых, попытаться показать типичную структуру жизненного пути и особенности коллективной биографии поколений.

Отбирая документы для публикации, создатели сборника руководствовались следующими критериями: год рождения автора текста, национальность, происхождение, отношение к Казахстану (приоритеты отдавались уроженцам нашей республики), сфера занятости, участие в наиболее значимых событиях или процессах, стиль изложения. Дата написания автобиографии не являлась ведущим критерием, но тем не менее составителями из вида не упускалась.

В 187 опубликованных текстах представлены судьбы людей, родившихся от 1870 до 1925 г. и ставших очевидцами и участниками таких событий и процессов в Казахстане, как усиление

колониального гнета, массовые переселения российского крестьянства, захват земель казахских родов путем проведения административных реформ, формирование на фоне протеста народных масс казахской политической элиты (движение Алаш), восстание 1916 г., революции 1917 г., гражданская война. В представленных источниках наглядно раскрывается процесс создания и укрепления советского строя: обретение казахами национальной государственности и геноцид в результате проведения политики “конфискации баев-полуфеодалов” и насильственного оседания кочевников; интенсивное развитие добывающей промышленности и превращение Центрального Казахстана в часть “архипелага ГУЛАГ”, развитие здравоохранения, образования, культуры и практическое вытеснение казахского языка из сферы государственного применения. Последнее — результат не только принятой в начале 1920-х гг. практики государственного строительства, но и массовых миграций населения, в том числе депортаций народов на территорию КазССР. Тот факт, что большинство опубликованных документов написаны на русском языке, также свидетельствует об этом. Так как в сборнике представлены автобиографии лиц самых разных национальностей (казахов, русских, украинцев, татар, уйгур, немцев, корейцев, венгров, таджиков и др.), часть из которых родилась вне Казахстана, перед читателем откроется огромный временной пласт, насыщенный событиями планетарного масштаба (мировые войны, революции, образование двух противоборствующих систем и т. д.).

Как известно, в Российской империи “формулярные списки” имели только чиновники и офицеры, в СССР до середины 1950-х гг. личные дела оформлялись на партийных и советских руководителей, частично на служащих и инженерно-технических работников (ИТР); на рабочих личные дела не заводились, в колхозах подобное делопроизводство также не велось.

Автобиографии как обязательный документ появились в советское время. Они являются весьма специфическими документами, которые создавались в определенных условиях и с определенными целями. Письменное изложение данных о себе, заверенное подписью автора, первоначально было ответом на вопросы специальных анкет, где в обязательном порядке (год, место рождения, социальный статус) указывались факты участия в революционной деятельности, гражданской войне и др. В биографиях также приводи-

лись сведения о людях, могущих подтвердить те или иные события из жизни автора. В дальнейшем эта личностная информация проверялась специальными партийными органами, в определенных случаях — органами внутренних дел. По существу автобиографии должны были определять степень лояльности гражданина режиму.

При принятой системе хранения в АПРК откладывались в основном личные дела тех, кто в разное время входил в число партийных, советских, хозяйственных, комсомольских работников. При отборе документов для публикации составители пытались представить как можно больше текстов “простых” людей или рядовых членов партии. Однако уйти от биографий руководителей различного уровня по вышеназванной причине оказалось невозможным. Тем не менее составители сознательно стремились избежать публикации автобиографий лиц, являвшихся известными политическими и государственными деятелями, т. к. о последних издано уже немало справочной и научно-популярной литературы. Составители были бы рады включить в сборник документы авторов, представляющих противоположный “красному” лагерь, однако такие документы в советское время не собирались и не хранились.

В автобиографиях присутствовало и сознательное замалчивание, и искажение фактов. Это закономерно. Первая Конституция СССР зафиксировала гражданское неравенство, одним из проявлений которого было лишение избирательных прав и возможности заниматься государственной службой представителям “бывших эксплуататорских классов”, гражданам, участвовавшим в белом и контрреволюционном движениях, священнослужителям всех конфессий, лицам, использующим наемный труд (баям, кулакам, частным предпринимателям). Однако в Казахстане в первые годы советской власти значительный процент грамотных местных работников составляли выходцы из зажиточных слоев, поэтому были нередки случаи сокрытия социального происхождения. В последующем, при партийных чистках, именно эти люди получали выгоды, их отстраняли от должности, исключали из партии, а в годы “большого террора” расстреливали. Как отмечалось еще в начале 1920-х гг. в сатирическом журнале “Шаншар”¹, “происхождение — это то, что скрывают больше, чем ворованную вещь”.

¹ Сатирический журнал, являвшийся приложением к газете “Ак жол”. Первый номер журнала вышел в 1925 г.

Вышеизложенное в большей степени относится к людям, родившимся в конце XIX — начале XX в. Именно их автобиографии представляют наибольший интерес. Авторы, достигшие определенной зрелости, не только описывают события, участниками или свидетелями которых они были, но и дают собственные оценки происходящему. Публикуемые документы более позднего периода содержат в основном набор стандартных сведений (данные о наличии родственников за границей, пребывании на службе у белых и т. д.). В автобиографиях руководителей присутствуют сведения о взысканиях, участии в “группировках”, почти обязательным был рефрен о верности “генеральному курсу партии”. Предлагаемые вниманию читателя источники демонстрируют, как унификация государственной системы отразилась и на сознании людей: в конце 1930-х — начале 1940-х гг. автобиографии становятся единообразными, независимо от того, кем они были написаны: казахами из глухих аулов, корейцами с Дальнего Востока или представителями любой другой национальности. Главное — никаких оценок. Информативность этих документов также снижается. Однако в автобиографиях, пусть мимоходом, наряду с фактами, свидетельствующими о развитии промышленности, образования, здравоохранения, упоминаются и факты голода, массовых репрессий и террора. Понятно, что критического осмысления реалий советского времени в автобиографиях нет и не могло быть.

В этой связи уместно процитировать следующее напоминание российских источниковедов: “Источник не является объективным отражением истории и потому, что он передает событие через мировосприятие автора, его создававшего. Это обстоятельство имеет важное значение, ибо то или иное понимание картины мира, существующее в сознании создателя источника, так или иначе воздействует на те данные, которые он фиксирует” [1].

Если события до Октябрьской революции современной наукой изучены и взгляд на них устоялся [2], то события советского периода, особенно 1920-е гг. (нэп, социально-политическая жизнь до коллективизации), до сих пор не получили концептуального осмысления. В автобиографиях упоминаются многочисленные факты, относящиеся именно к этому периоду. Общеизвестные на момент создания документов, они требуют сейчас специального пояснения.

В стремительно менявшейся действительности многие реалии экономической, политической, социальной жизни, в том числе институт частной собственности как таковой, и соответственно определенные социальные группы прекратили свое существование. В последующем в связи с целенаправленной, обусловленной политическими мотивами фальсификацией истории “негативные” события не только 1920-х гг., но и в целом советского периода либо замалчивались, либо подавались в совершенно искаженном виде. Что же стоит за “строками биографий”? Остановимся лишь на некоторых моментах.

Большинство авторов являлись людьми социально активными, многие принимали участие в гражданской войне, борьбе с “бандитизмом” в коммунистических отрядах (ЧОНах). Автобиографии свидетельствуют о трагедии поколения, вынужденного участвовать в братоубийственной войне, в которой жестокость порождает жестокость. Например, в док. № 96 речь идет о взятии и расстреле заложников из мирного населения, подавлении крестьянских выступлений. В док. № 86 упоминаются карательные экспедиции ЧК в Семиреченской губернии в 1921 г., события в Нарынском уезде. В ноябре 1920 г. здесь появился отряд повстанцев, боровшихся против советской власти, восстание угрожало принять массовый характер и перекинуться на другие уезды. В результате карательной экспедиции оно было подавлено [3]. Уже 13 января 1921 г. в газете “Правда”² на первой странице была опубликована информация за подписями уполномоченного представительства ВЧК на территории Туркестанской республики Тараса и председателя облЧК Эйхманса “Расстрел врагов рабоче-крестьянской революции”. Это список казненных в г. Пишпеке 84 человек, из которых 31 был расстрелян за непосредственное участие в Нарынском восстании. Среди них люди разных национальностей — киргизы, русские и т. д. Кроме пяти советских работников продорганов и одного чекиста, расстрелянных за злоупотребления, все остальные были казнены за “контрреволюцию” (в т. ч. одна женщина), включая неявку бывшего полицейского на регистрацию, антисоветскую агитацию, варку самогона, неподчинение распоряжениям органов советской власти, банди-

² Печатный орган Семиреченского обкома Компартии и облвоенревкома, издавался в 1918 г. (г. Верный).

тизм (5 человек) и т. д. [4]. Сколько было убито непосредственно в ходе карательной акции — неизвестно. Сама публикация подобных списков также являлась мерой устрашения.

Во многом крестьянские выступления были обусловлены политикой взимания продразверстки и деятельностью продотрядов [5]. Восстания под лозунгом “Советы без коммунистов” вспыхивали во всех регионах, в том числе и в Казахстане. Из документов ясно видно, что хотя продразверстка сменилась другими видами налогов, произвол при их взимании существовал и в последующем. Многие из авторов биографий принимали активное участие в различных продналоговых кампаниях. Какими способами они проводились, повествуют сводки ГПУ по Казахстану. Например, за 1923 г.: “[...] Настроение крестьян, особенно бедняков, за последнее время с проддвухнедельником³ по изъятию продналога и семенных недоимок изменилось в худшую сторону. [...] При уплате налога крестьянам пришлось расстаться не только с хлебом, но и продать последний скот, что, естественно, отразилось на настроениях, порождая недовольство и ропот, как на продорганы, так и на соввласть в целом”. Иногда в процессе кампании по сбору продналогов изымалось семенное зерно, повсеместным явлением было избиение крестьян работниками продорганов, в Семипалатинской губернии “имели место случаи оттирания крестьян, замерзших вследствие содержания под стражей в холодных амбарах по 8 суток”. Это вызывало озлобление, в том числе и среди деревенских коммунистов. По сводкам, были заявления о том, что коммунисты “изверились в законах рабоче-крестьянского правительства” [6]. В казахском ауле “многие продинспектора и другие представители власти, работающие на местах, применяют как способ воздействия на уклоняющихся налогоплательщиков-киргиз нагайку и даже шомпол, что неблагоприятно отражается на населении” [7].

С введением нэпа связан экономический подъем сельского хозяйства, в Казахстане он ознаменовался ростом крупных байских и кулацких хозяйств. Рост влияния байства и кулачества не мог игнорироваться руководством республики. Принимались специальные решения Киробкома, на места рассылались секретные циркуляры и инструкции, определяющие линию партии по этому

³ Так в тексте.

вопросу. Например, в совершенно секретном письме всем губкомам РКП(б) (май—июнь 1924 г.) анализируются настроения крестьянства и даются директивы по правильному учету посевных площадей с целью обеспечения нормального и “политически здорового” проведения кампании по сбору сельскохозяйственного налога [8]. Отмечены “чрезвычайно характерные и показательные явления, определяющие несомненное и резкое повышение активности русского кулачества (Оренбургская, Кустанайская, Акмолинская, отчасти и Семиреченская губернии) и киргизского байства (Семипалатинская, Акмолинская, Уральская и Букеевская губернии)”. Последние выступали с требованиями политического равноправия, организовывали срывы сельских сходов и выдвижения “коммунистических” кандидатур в органы управления, проводили антисоветскую агитацию среди бедноты с обещанием поддержки в случае голода. Среди батрачества наблюдалась боязнь вступать в Союз рабземлеса из-за неуверенности в реальной защите с его стороны, хотя 18-часовой рабочий день (запрещенный по закону) был обычным явлением. В циркуляре констатировалось пассивное поведение середняков с уклоном в сторону кулаков, случаи контрреволюционных высказываний отдельных учителей, врачей. Вплоть до проведения сплошной коллективизации в документах (в т. ч. и автобиографиях) присутствуют многочисленные сведения о судебных преследованиях неплательщиков сельскохозяйственных налогов, повсеместном недовольстве крестьян их тяжестью, организации специальных выездных судебных сессий на местах. Распространенным явлением был “захват” низовой сети кооперации байством и кулачеством [9]. Именно этим “захватом” объясняются частые назначения коммунистов в кооперативные органы для усиления их руководства, о чем свидетельствуют автобиографии. В области сбыта сельскохозяйственной продукции главенствовали крупные частные торговцы, например, в 1927 г. в Семиречье ими контролировался хлебный рынок [10], аналогичное положение существовало и в других областях Казахстана.

Экономические возможности байства и кулачества определяли их влияние на низовой аппарат Советов, отсюда так часто встречаются в автобиографиях упоминания о кампаниях по перевыборам в последние, и такое явление характерно для всего периода нэпа. Эти вопросы рассматривались на заседаниях партийных

органов всех уровней. Например, из доклада уполномоченного ГПУ на заседании бюро Алма-Атинского укома ВКП(б) в 1927 г. следует, что волостной избирком работу не проводил, “но кулаки и бывшие аткаминеры наметили уже списки — кого нужно провести в Совет”. Далее, из резолюции пленума: “Особенности прошлой предвыборной кампании 25/26 г. по сравнению с переборами прошлых лет, проводившимися под лозунгом широкой демократии, не были достаточно усвоены партийными и другими общественными организациями и вследствие их неподготовленности байство, кулачество, аткаминеры демократичность выборов использовали в своих интересах и, пользуясь родовыми и другими влияниями, получили значительное количество в выборных органах — Советах и исполкомах” [11].

Необходимость подготовки низовых партийных и советских работников для обеспечения нормальной работы органов власти и противодействия “социально-чуждым элементам” обусловила широкое развитие сети партийного просвещения: совпартшкол, ВКСХШ, комвузов, различных курсов. Как видно из автобиографий, практически все работавшие в тот период где-то обучались. Большое значение придавалось пропагандистской работе. Почему? Антисоветские настроения были явлением повсеместным как среди рабочих (на почве безработицы, низкой и несвоевременно выдаваемой зарплаты, произвола администрации), так и среди крестьянства [12]. На этом фоне пропаганде достижений государства, массовому вовлечению подростков и молодежи в комсомол, т. е. политике формирования психологии “нового человека”, уделялось огромное внимание.

На основании анализа документов, в том числе специальных экономических обзоров, документов Казкрайкома, сводок ОГПУ по КАССР, можно констатировать, что советское строительство в сельской местности, особенно в ауле, шло медленно. Положение аула, изучение проходивших там процессов имели практическое значение, т. к. большинство казахского населения проживало именно в кочевых и полукочевых районах. Население было чрезвычайно мало подвержено революционным преобразованиям. В период нэпа, как уже отмечалось выше, происходил рост именно крупных хозяйств, тем самым увеличивалась зависимость бедноты от баяпатрона. Слабое, номинальное руководство Советами со стороны партийных органов в кочевом и полукочевом ауле сосуществовало

параллельно с родовой группировочной борьбой (см. док. № 7). Как известно, местное самоуправление, финансы, налоги регулировались низовыми Советами, поэтому при их перевыборах в целях получения каких-либо льгот представители разных родов вели активную борьбу за места в исполнительных органах. Распространились родовые “партии” — таласы, иногда в степи происходили прямые столкновения между ними. Обычным явлением было привлечение к этой борьбе сородичей, занимавших какие-либо посты в различных структурах. Таким образом, документы зафиксировали явление, называемое трайбализмом. Это естественный элемент ментально-психологического склада обществ, опутанных родоплеменными и патриархальными отношениями, для преодоления которых нужно длительное время. Этого не понимало партийно-советское руководство той поры, потому для искоренения явления принимались меры административного воздействия в отношении работников, участвовавших в родовой борьбе, — от выговора до исключения из партии и отстранения от должности. На заседании секретариата Казкрайкома был утвержден проект статьи закона, карающей за разжигание родовой и группировочной борьбы “манапо-байским элементом” во время выборов. “Разжигание или возбуждение родовой борьбы с целью проведения на выборные государственные или общественные должности представителей байства, сопровождающиеся подкупками, угощениями, использованием экономической или родовой зависимости, обещанием материальных и иных выгод, караются для руководителей байско-манапских групп лишением свободы на срок до двух лет с удалением из пределов данной местности с обязательным поселением в иных местах КССР на срок не свыше трех лет” [13]. По существу, этот документ — косвенное признание определяющей роли байства в политической жизни аула. Поэтому и был принят курс на ликвидацию баев-полуфеодалов, получивший в Казахстане наименование “малого Октября” [14]. Как в Москве, так и в Алма-Ате были люди, понимавшие пагубность волюнтаристских решений. Среди руководства республики существовали различные взгляды на пути построения нового общества. Практически с самого начала государственного строительства Казахской автономии в различных документах упоминается группировочная борьба среди руководства Казахстана. Например, в сводках и обзорах ГПУ за 1922 г. фигуриру-

ет несколько групп, возглавлявшихся А. Букейхановым, А. Байтурсыновым, Т. Рыскуловым, С. Ходжановым, С. Мендешевым [15]. В более поздних документах упоминаются сейфуллинская (С. Сейфуллин), садвокасовская (С. Садвокасов), султангалиевская (Г. Султангалиев) группировки (см. док. № 82, 99, 135 и др.). С удалением с политической арены лидеров партии “Алаш”, в какой-то мере их осторожный и взвешенный подход к проблемам преобразования жизни казахов унаследовал С. Садвокасов. С назначением на пост секретаря Казкрайкома Ф. Голощекина, инициатора “малого Октября”, на ноябрьском пленуме Казкрайкома 1926 г. взгляды С. Садвокасова были осуждены как “националистические”, выражающие интересы байства. Документы свидетельствуют о том, что, преследуя личные интересы, сторонники той или иной группировки стремились поставить “своих” в различных органах власти. Помимо “местных” кадров в группировочной борьбе участвовали и присланные работники разных национальностей. В 1927 г. был проведен пленум, на котором рассматривались вопросы “группировочной борьбы”, получившей резко негативную оценку.

К концу 1920-х гг. многие из деятелей, не согласных с политикой Ф. Голощекина, были “выдавлены” из пределов республики, среди них был и С. Садвокасов. Чем обернулся “малый Октябрь” для казахов — хорошо известно [16]. Но кто же проводил эту политику на местах? В некоторых биографиях говорится об участии их авторов в кампаниях по конфискации имущества баев-полуфеодалов, раскулачивании, оседании кочевников. Люди свято верили в необходимость подобных мер. Опорой для проведения этих кампаний частично была аульная беднота, руководимая присланными работниками, часть из них составляли выдвиженцы (биографии некоторых из них опубликованы в данном сборнике), прослойка руководителей из рабоче-крестьянской среды.

Необходимость расширения социальной базы власти послужила основанием для принятия в марте 1927 г. Постановления ЦК ВКП(б) “О задачах партии в деле выдвижения рабочих и крестьян в государственный аппарат”. Аналогичные постановления принимались на местах. Общее количество выдвиженцев из батраков, сельскохозяйственных и других рабочих по областям КАССР на октябрь 1930 г. составляло 1100 человек (казахов — 825), из них женщин — 112. Большой процент был малограмот-

ных [17]. Предусматривались специальные меры по повышению образовательного уровня выдвиженцев, созданию нормальных условий для работы и т. д. Выдвижение руководителей с “подходящим” социальным происхождением, но не обладающих необходимыми знаниями, породило немало проблем. Достаточно вспомнить “Шахтинское дело” 1928 г. Суть его такова: группа специалистов старой школы не скрывала своего негативного отношения к политике партии в области темпов и методов индустриализации в Донбассе. Нарушение технологических процессов и правил техники безопасности приводило к авариям, снижению темпов добычи угля. Эти последствия были объявлены результатом “вредительской, шпионской” деятельности ИТР. По результатам “Шахтинского” процесса, проходившего в г. Москве, 5 человек были приговорены к расстрелу. Отголоски этого дела можно найти и в документах сборника (см. док. № 150), в которых упоминаются “учителя-вредители”, виновные в поджоге обогатительной фабрики на Риддере. Нагнетание всеобщей подозрительности, поиски внутренних врагов начались еще до развертывания массового террора середины 1930-х годов.

Первыми жертвами массовых репрессий в начале 1930-х гг. стали “раскулаченные”. Именно о них как о спецпереселенцах, содержащихся в поселках НКВД, работавших на лесоповале, говорится в опубликованных здесь биографиях (см. док. № 89, 91).

Сплошная коллективизация, как известно, сопровождалась массовыми крестьянскими восстаниями конца 1920-х — начала 1930-х гг. во всех регионах СССР. В документах сборника присутствуют сведения об участии партийно-советского актива в подавлении последних. В целях борьбы с повстанцами в Казахстане использовалась армия (события в Нахичеванской АССР в док. № 127) и ЧОН .

Насколько поколение, сформированное гражданской войной, в сознании которого зафиксировались установки на классовый подход, бескомпромиссную борьбу с любыми отклонениями от “генеральной линии”, верило в массовую вредительскую и шпионскую деятельность, развернутую “врагами народа” в середине 1930-х гг.? Наверное, ответ на этот вопрос можно получить из биографий данной книги. Среди жертв массового террора и авторы опубликованных здесь документов — Г. Букейханов, Н. Нурсеитов, А. Кенжин, Т. Жаманмурунов, Н. Прасолов, С. Нурпе-

исов, И. Тоот, С. Сафарбеков и многие другие. Читатель ознакомится и с биографиями тех, кто считал своим долгом разоблачать “врагов народа”.

По документам можно проследить процесс смены поколений, ощутимые отличия в жизни людей, рожденных в разные исторические эпохи. Так, коренным образом разнятся судьбы людей, вступивших жизнь в 1920—1930-х гг., от пути, пройденного их отцами. Автобиографии, написанные в 1940—1960-х гг., зафиксировали всеобщую грамотность, появление новой интеллигенции, в том числе казахской. Внуки и дети “конфискованных и раскулаченных” — в числе славного поколения победителей в Великой Отечественной войне. В биографиях рассматриваемого периода есть упоминания о попавших в окружение и плен, о пребывании на временно оккупированной территории. Такие факты компрометировали уже новое, родившееся и сформировавшееся в советское время поколение. В сборнике помещены сведения из анкет коммунистов-спецпереселенцев, т. к. составители сочли необходимым обозначить и проблему массовых депортаций народов в Казахскую ССР в период Великой Отечественной войны. Одна из биографий принадлежит советскому немцу, с начала войны направленному в трудовую армию на Челябинский металлургстрой НКВД. В другой биографии упоминается мобилизация в трудовую армию представителей коренного населения. Если о трагедии советских немцев-трудармейцев уже написаны книги, то тема мобилизаций и условий содержания казахов и других “нацменов” (обычных, полноправных граждан) на стройках Урала и Западной Сибири еще полностью не раскрыта. В документах архивов есть многочисленные обращения трудившихся в рабочих колоннах и материалы проверок по ним специальных выездных комиссий. В этих документах говорится о невыносимых условиях труда, дискриминации, высокой смертности от инфекционных болезней и голода. На взгляд составителей эта страница истории Великой Отечественной войны, цена, которую заплатил советский народ за Победу, также требуют дополнительных исследований.

В заключение нужно отметить, что сборник рассчитан не только на специалистов-историков, но и на широкий круг читателей. Поэтому составители сочли необходимым дать в предисловии пояснения по не до конца разработанным темам и составить подробные примечания, в том числе и к фактам, хорошо известным специалистам.

Почему советская власть победила, упрочилась, приняла именно такие формы, каким образом формировался “новый правящий класс”, какие слои населения составили опору режима, какие социальные преимущества и гарантии получили “широкие массы трудящихся” — на все эти вопросы ответы частично можно получить из опубликованных автобиографий.

* * *

Публикуемые документы хранятся в фондах АПРК: Ф. 1 — Алма-Атинский уездный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Ф. 8 — Алма-Атинский областной комитет Коммунистической партии Казахстана, Ф. 139 — Киргизский (Казахский) областной комитет Российской Коммунистической партии (большевиков), Ф. 141 — Казахский Краевой Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Ф. 708 — Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстана, Ф. 812 — Центральный Комитет Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Казахстана.

Все документы вводятся в научный оборот впервые.

При публикации автобиографии систематизированы по годам рождения авторов, при наличии нескольких человек с одинаковым годом рождения автобиографии расположены в алфавитном порядке. Такой принцип принят для того, чтобы яснее подчеркнуть особенности жизни и быта авторов в разные исторические эпохи.

У составителей не было цели проследить весь жизненный путь авторов биографий. Однако в некоторые биографии внесены дополнительные сведения, взятые из анкет авторов: год рождения, национальность и (для участников Великой Отечественной войны), перечисление наград, в отдельных случаях — должности, занимаемые после написания автобиографии. В ряде документов редакторы свертывали ту часть текста, которая содержала перечисления продвижений по служебной лестнице, убирая даты назначений. Эта информация заключена в квадратные скобки. Большое количество авторов было репрессировано в 1930-х гг., но так как составители не имели возможность точно установить всех репрессированных, эти данные в сборнике не приводятся. В отдельных биографиях, в которых имеются сведения о фактах доноительства, фамилии, приве-

денные в тексте, обозначены только первой буквой. Тексты на казахском языке сопровождаются аннотациями.

Документы публикуются согласно существующим правилам издания исторических документов. Названия административно-территориальных единиц дореволюционного Казахстана даны в написании авторов текстов, наименования административно-территориальных единиц советского периода уточнялись и в необходимых случаях правилось. Фамилии даны в том виде, в котором они употребляются в документах. Реквизит — место события — в ряде документов содержит информацию, установленную составителями по тексту биографий, и обозначает чаще всего одновременно и место создания документа, и место проживания его автора. В текстах исправлялись орфографические ошибки, однако написание некоторых слов, например, “заведывающий”, “киргиз”, сохранено, как и авторский стиль. Пояснения к архаичным понятиям даны в текстуальных примечаниях. Приведено в соответствие с общепринятым написание некоторых сокращений, а также нумерация съездов, конференций, пленумов. В текстах содержатся многочисленные названия учреждений, начинающихся с сокращенного наименования административно-территориальных единиц, к которым они относились (Сем..., Сыр...), а также сокращенные названия собственно административно-территориальных единиц. Составители посчитали возможным оставить их в авторской редакции.

Научно-справочный аппарат сборника состоит из предисловия, примечаний, именного указателя, указателя годов написания биографий, списка сокращенных слов. Последний неполный, т. к. авторы текстов пользовались произвольными сокращениями, часть из которых расшифровать не удалось. Подготовлен также список использованной литературы.

Помимо коллектива составителей в работе над сборником принимали участие А. Т. Сулейменова, Н. В. Кобец. Научные рецензенты Ж. Б. Абылхожин, В. П. Осипов.

А. С. Зулкашева

1. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 520.

2. По этому периоду изданы не только исследования, но и сборники документов. См.: Грозный, 1916 г. Қаһарлы 1916 жыл: (Құжаттар мен материалдар жинағы), Алматы: Қазақстан, 1997. Т. 2; Алаш қозғалысы. Движение Алаш. Құжаттар мен материалдар жинағы. Алматы: Алаш, 2004. Т. 1. (Продолжающееся издание) и др.

3. АПРК. Ф. 666. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

4. Там же. Ф. 139. Оп. 2. Д. 9. Л. 1.

5. Хлебная монополия была введена царским правительством в связи с реальной угрозой голода в результате хозяйственной разрухи, вызванной участием России в первой мировой войне. Временным правительством 25 марта 1917 г. был принят закон о введении хлебной монополии. Весной 1918 г. ВЦИК РСФСР принял ряд декретов о продовольственной диктатуре, на основании которых были созданы специальные продорганы и продотряды (см. прим. № 56, 119).

6. АПРК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 550. Л. 1–15.

7. Там же. Д. 951. Л. 13.

8. По существовавшему в тот период законодательству основная тяжесть налогов лежала на богатых и зажиточных слоях населения. Бедняки от уплаты налогов были освобождены. Однако многочисленные документы свидетельствуют о нарушениях законодательства, непомерными налогами облагались и середняцкие хозяйства.

9. АПРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 682. Л. 50–53.

10. Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 682. Л. 50–52.

11. Там же. Д. 55. Л. 41, 59.

12. Приведем выдержку из крестьянского воззвания 1926 г. (Джетысуйская губ.): “Граждане крестьяне-хлеборобы, работая день и ночь в поле, кушая только хлеб с водой, сами нагие и босые, руки и ноги потрескались от зноя [...]. Кончил работу, собрал свой скудный хлеб, ссыпал в сусек и смотрит на него и говорит, а на что я обую и одену своих малых детей, [...] хлеба всего ничего, только что на пропитание, а на посев не хватит и наши власти наложили на нас большую доходность, [...] говорят — отдай свой доход. [...] Граждане, итак все до конца ограбили и украли, нет у крестьян скота, и некого запрягать в плуг, а наши управители советские угрожают описью, требуют налог себе на жалованье и кричат — помогайте государству, а крестьян считают какими-то ничтожными. Граждане крестьяне-хлеборобы! Подумайте, ведь государство состоит только из крестьян-хлеборобов, а которые сидят за столом, пишат пером, ходят и чисто, и нарядно, кушают сладко, спят мягко, самые эти и разорили все Россию, как паразиты сосут крестьянскую кровь, живут как дармоеды, на всем готовом и уничтожают все государство”. АПРК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 709. Л. 11–12.

13. Там же. Д. 1043. Л. 137.

14. См. прим. № 130.

15. АПРК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 14а. Л. 1—6 об.

16. В сборнике приведена автобиография М. Гатаулина, одного из авторов письма в ЦК ВКП(б) о голоде в Казахстане в результате проводимой Ф. Голощекиным политики. В годы “большого террора” М. Гатаулин, как и многие другие, был расстрелян.

17. АПРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 410. Л. 118, 124.